

— Ох, мамочки! Сколько лет было Цинь Няньчжи десять лет назад? Это же какая жестокость!

— Какой еще единственный сын? По-моему, он сын-отравитель! Видели, как вся его семья вымерла, один он остался?

— Тишина! — Господин У снова ударил по дощечке судьи. — Цинь Няньчжи, признаешь ли ты обвинения, выдвинутые Цзян Фэном?

Цинь Няньчжи с серьезным видом ответил:

— Не признаю. Это чистой воды клевета. Мой младший брат Цинь Хэнчжи был похищен злоумышленниками, когда мы вышли из дома, и до сих пор о его судьбе ничего не известно. Что же касается моей матери, она скончалась при родах. В тот день я случайно упал в воду, и если бы не искусные лекари Зала Наньшань, я бы давно стал призраком. Когда я пришел в себя, матушки уже не было в живых.

Господин У продолжил допрос:

— А где сейчас лекарь из Зала Наньшань, который осматривал твою мать, и повитуха, принимавшая роды?

Цинь Няньчжи покачал головой:

— Лекарь, который тогда дежурил в Зале Наньшань, скончался много лет назад. Что до повитухи — я не следил за её судьбой и не знаю, осталась ли она в столице.

Выходило, что никто не мог подтвердить его невиновность. Господин У и Господин Е обменялись взглядами, стараясь подавить охватившее их беспокойство.

Байли Хань, сидевший в стороне в качестве наблюдателя, торжествующе улыбался, всем своим видом излучая уверенность в победе.

Господин У снова посмотрел на коленопреклоненного старика:

— Цзян Фэн, ты осознаешь, какое наказание полагается за клевету на чиновника императорского двора?

Тот задрожал всем телом и залился слезами:

— Умоляю, господин судья, проявите прозорливость! Я никого не оклеветал! — он словно решил на последний шаг. — Господин, у меня есть доказательства! Та самая повитуха — главный свидетель! После того как старший господин погубил госпожу, лекарь из Зала Наньшань тоже внезапно скончался. Повитуха испугалась, что её постигнет та же участь, и тайно сбежала в родную деревню. Лишь недавно я случайно встретил её и после долгих уговоров убедил рискнуть жизнью и дать показания.

Среди горожан поднялся ропот. В этот момент из толпы протиснулась полная женщина средних лет, дрожа от страха, пока стражники не пропустили её внутрь.

— Я — Цао Цзиньсю, та самая повитуха, что принимала роды у госпожи Цинь.

Господин У кивнул страже, позволяя женщине войти. Она опустилась на колени, выглядя донельзя робкой и запуганной, однако её речь была четкой и последовательной.

— В те годы я была известным в столице мастером женских болезней. Госпожа Цинь была слаба здоровьем, после рождения старшего сына она надорвалась и больше не могла забеременеть. Когда господин Цинь погиб при исполнении, госпожа после похорон узнала, что носит ребенка. Она берегла себя пуще глаза, как она могла случайно упасть и спровоцировать выкидыш? К тому же, я жила совсем недалеко от поместья Цинь, идти было всего ничего, но меня позвали, когда она была уже при смерти. Когда я пришла, госпожа была едва жива, все в крови, но она из последних сил родила ребенка и вскоре испустила дух. Ребенок был недоношенным, задохнулся в утробе, весь синий, и вскоре тоже скончался.

Цао Цзиньсю сделала паузу, словно боясь чего-то, и продолжила:

— Позже управляющий поместья Цинь дал мне десять таэлей золота. Сказал, что у семьи черная полоса, да и дело постыдное, велел держать язык за зубами. Семья Цинь — чиновники, да и всё это выглядело крайне подозрительно, я испугалась и сбежала с деньгами. С годами страх только рос. Госпожа всегда была осторожна, как она могла упасть на пустом месте? И когда она падала, и когда мучилась перед смертью, старшего господина и след простыл, даже двух старших служанок не было рядом. А лекарь из Зала Наньшань всё не шел... говорят, его задержал старший господин.

— Чистой воды бред!

Вдруг из толпы выскочил Наследный принц Кан, одетый в роскошные шелка, с головой, обмотанной бинтами:

— Ты, старая баба, пришла в суд сказки рассказывать? Совести у тебя нет!

Женщина испугалась, плюхнулась на пол и заголосила:

— О, великие судьи! Каждое моё слово — истина. Если хоть в чем-то лгу, пусть меня поразит молния, пусть я сгину в муках!

Зрители ахнули. Ничего себе, такая страшная клятва — значит, говорит правду! Кто бы мог подумать, что господин Цинь — зверь в человеческом обличье, такая тварь.

Наследный принц Кан, известный своим бесшабашным нравом, оттолкнул стражников и бросился к женщине:

— Клятвы полезны? Тогда поклянись еще раз! Скажи, что если лжешь, то сгинет весь твой род, и у твоих детей не будет задницы!

Цао Цзиньсю то бледнела, то краснела, несколько раз открывала рот, но не издала ни звука.

Принц Кан победно усмехнулся:

— Что? Боишься? Значит, всё это ложь!

— Пф-ф!

Вокруг слышались смешки.

Цинь Няньчжи был обескуражен таким поведением. Не успел он и слова сказать, как сверху раздался грозный окрик:

— Наглец! Если хочешь слушать, садись в стороне! Посмеешь еще раз нарушить порядок в суде — получишь сотню палок!

Господин Е, дернув уголком рта, вежливо добавил:

— Ваше Высочество, прошу, присаживайтесь.

Принц Кан огляделся и вдруг ослепительно улыбнулся Байли Ханю:

— Старый герцог, давно не виделись. Пожалуй, сяду рядом с вами.

Байли Хань поморщился, с трудом сдерживая отвращение, и отвернулся. Он не только слышал о репутации Чжао Юньчэна, но и имел несчастье убедиться в ней лично.

Чжао Юньчэн остался доволен произведенным эффектом, подмигнул Цинь Няньчжи и вальяжно уселся на место.

Однако не успел он устроиться, как Цзян Фэн, долго смотревший на него, вдруг выпалил:

— То, что сказала Цао — чистая правда, я могу подтвердить. Более того, второй молодой господин Цинь пропал вскоре после смерти отца, но в день исчезновения он выходил из поместья вместе со старшим господином! Ваше Высочество часто бывали в поместье Цинь, вы должны помнить второго молодого господина.

Чжао Юньчэн нахмурился. В поместье Цинь действительно был еще один ребенок, он видел его пару раз, но у кого из знатных семей не бывает внебрачных детей, о которых не принято говорить? Он не придавал этому значения.

Цао Цзиньсю подхватила:

— Именно так! Я принимала роды и у того ребенка. Он родился крепким, весил шесть фунтов и восемь лян, на поясице у него было родимое пятно в форме красного облака, а лицом — вылитый покойный господин Цинь. Красивый, здоровый мальчик. Когда семья заявила, что он умер от болезни, я так жалела его... не думала, что и его погубил старший господин.

— Врешь! Ты клеветешь на нашего господина!

Из толпы раздался яростный крик — это был управляющий поместья, Дядюшка Цинь. Но его голос потонул в гневном гуле толпы.

— Выходит, второго господина тоже погубил Цинь Няньчжи?

— Ужас какой, просто немыслимо.

— Встречают по одежке, а провожают по уму... Кто бы мог подумать, что такой молодой, а такой злодей.

Господин У и Господин Е снова переглянулись, понимая, что дело принимает скверный оборот.

Господин У ударил по дощечке:

— Тишина!

Старый герцог вдруг подал голос:

— Убить мать, убить брата... убить одного или двух — для господина Цинь разницы нет. Хорошая хватка, отличные методы. Неудивительно, что он так быстро поднялся по карьерной лестнице и стал любимчиком Его Величества.

Цинь Няньчжи поднял взгляд и холодно произнес:

— На двенадцатый год правления Цинхэ покойный император назвал меня сыном верного слуги с чистой душой и потому сделал меня компаньоном Пятого принца, нынешнего императора. На двадцатый год правления Цинхэ, во время экзамена в Тронном зале Цзиньлуань, он при всех хвалил мою добродетель и назначил меня Таньхуа. Ваши слова, герцог, означают, что вы сомневаетесь в прозорливости покойного императора?

— Не мели чепухи! У меня не было таких мыслей! Не пытайся приплести сюда Его Величество!

Байли Хань побледнел. Он хотел втянуть в это Императора Сюаньхэ, но этот мальчишка оказался острым на язык и в два счета вывел императора из-под удара, еще и прикрывшись именем покойного правителя.

Цинь Няньчжи усмехнулся:

— В зале суда вы, герцог, игнорируете закон и превышаете полномочия. Где же место главного судьи? И где место самого Императора?

— Старик был слишком взволнован, прошу Его Величество о милости.

Император Сюаньхэ холодно отрезал:

— Раз знаешь о своей вине, закрой рот и слушай молча.

Байли Хань был в ярости и унижении. Он вдруг заметил, что сегодняшний Император Сюаньхэ подозрительно спокоен. Нет, всё должно было быть иначе. Но никто не обращал внимания на его мысли, все вокруг восхваляли беспристрастность и справедливость Императора.

Цинь Няньчжи сложил руки в приветствии и громко произнес:

— Мой домашний слуга ежедневно подмешивал мне в еду медленно действующий яд, желая лишить меня жизни и завладеть имуществом. Прошу рассмотреть это дело вместе с текущим.

Господин У:

— Кто отравитель? И как это связано с делом?

Цинь Няньчжи:

— Отравитель — Госпожа Цзян, жена Цзян Фэна, Ван Гуйхуа.

Толпа снова взорвалась. Никто не ожидал такого поворота.

Взгляд Цзян Фэна метнулся в сторону. Всё это время люди старого герцога прятали его, он потерял связь с той глупой бабой, но не думал, что она даже такое простое дело запрет и попадетсЯ с поличным.

Господин У:

— Привести обвиняемую Ван Гуйхуа.

Изнуренная и бледная Госпожа Цзян, пошатываясь, вошла в зал. Чжоу Сы лично подал её признательные показания и остатки порошка травы Согэ.

Ван Гуйхуа в страхе посмотрела на коленопреклоненного Цзян Фэна:

— Муженек, спаси меня, я ведь всё это ради...

Цзян Фэн бросил на неё свирепый взгляд и рявкнул:

— Заткнись! — после чего громко зарыдал: — Господин судья, моя жена, узнав, что госпожа Цинь умерла не от родов, а была убита, хотела отомстить. Я тоже был вынужден ударить в Барабан Дэнвэнь, чтобы добиться справедливости. Но я не думал, что она совершит такую ошибку. Ну да ладно, мы с женой многим обязаны госпоже Цинь, и отдать за неё жизнь — наш долг. Жаль лишь, что госпожу погубил родной сын, а второй господин теперь скитается, и жив ли он — неизвестно. Я лишь хочу, чтобы убийца понес наказание, а второй господин вернулся в родной дом. Мы с женой умрем без сожалений.

Всего пара фраз, но образ верного слуги, готового сложить голову за правду, был создан мастерски.

— Хорошо! Сказано верно!

— Вот это настоящий мужчина!

— Убейте этого мерзавца, чтобы успокоить души супругов Цинь!

— Да! Смерть чиновнику-собаке!

Люди уже готовы были броситься на Цинь Няньчжи, лишь страх перед стражей удерживал их. Император Сюаньхэ крутил на пальце нефритовую костяшку, вспоминая наставления Цинь Няньчжи, и изо всех сил давил в себе гнев.

— Бах!

Дощечка судьи снова взлетела и тяжело опустилась:

— Тишина! В суде запрещено шуметь!

Господин У, опытный сыщик, сразу заметил, что эти трое действуют по указке Цзян Фэна и подготовились основательно, найти брешь сложно. Однако Госпожа Цзян выглядела растерянной, и он громко произнес:

— Суд основывается на фактах, свидетелях и уликах. Цинь Няньчжи — законный наследник, ему незачем убивать мать. Дело старое, деталей не восстановить, одних ваших слов недостаточно. А вот ты, Госпожа Цзян, призналась в отравлении чиновника, улика на руках, признание подписано. Смертная казнь! Увести её, казнить немедленно!

— Господин, помилуйте! Муженек, спаси! Спаси меня! — Ван Гуйхуа рухнула на пол, заливаясь слезами.

Видя, что Цзян Фэн даже не смотрит на неё, явно решив пожертвовать ею, она в отчаянии крикнула:

— Господин, господин! У меня были свои мотивы, но всё сказанное — правда! У старшего господина Цинь был мотив! С детства госпожа издевалась над ним, несколько раз пыталась убить, он чудом выживал. Они ненавидели друг друга до смерти! В поместье Цинь это не секрет, спросите старых слуг!

Цинь Няньчжи резко обернулся, с неверием глядя на Ван Гуйхуа, которую волокли из зала.

Зал замер. Сюжет перевернулся с ног на голову. Только что сын убил мать, а теперь — мать пыталась убить сына? И в итоге сама погибла от его рук?

Император Сюаньхэ выпрямился. Он остро чувствовал: возможно, вот она — истина.

Все смотрели на Цинь Няньчжи — хрупкого, но прямого, как сосна. Шум обсуждений почти заглушал всё вокруг. Юноша выглядел подавленным, сжимал кулаки, дрожа всем телом.

Император Сюаньхэ резко встал:

— Дело сложное, старое. Чтобы проверить слова Ван Гуйхуа, нужно допросить старых слуг поместья Цинь. Объявляю перерыв, всех причастных взять под стражу, допрос продолжится завтра.

Господин У, не давая никому опомниться, ударил по дощечке:

— Суд окончен!

Цинь Няньчжи, словно лишенный души, позволил Чжоу Сы увести себя. Он даже не заметил,

что их ведут не в сторону тюрьмы.

Только когда его завели в комнату и крепко обняли, он пришел в себя. Грудь обнимавшего была теплой, руки — сильными, он отчетливо слышал его сердцебиение.

Цинь Няньчжи прижался к нему, на миг ощутив покой, но быстро отстранился:

— Ваше Величество, отпустите, это неприлично.

Император Сюаньхэ подавил безумие и раздражение в глазах и осторожно разжал руки:

— Почему ты никогда не говорил мне? Ты не доверяешь мне?

Цинь Няньчжи:

— Мы тогда были не так близки. В твоём окружении было много компаньонов, одним больше, одним меньше — не имело значения.

Император Сюаньхэ с жаром спросил:

— А потом? Потом, когда мы стали так близки, почему ты молчал?!

Цинь Няньчжи опешил, а затем горько усмехнулся:

— О чем говорить? О том, что я с рождения был нелюбим матерью, не нужен отцу, что я — никому не нужный «пожиратель долгов»? О том, что у меня мерзкий характер, что я — исчадие ада, погубившее мать и нерожденного брата?

— Прости, прости, Няньчжи, я слишком торопился, я не это имел в виду. Мой Няньчжи — самый лучший человек на свете, не смей так говорить о себе.

Император Сюаньхэ был напуган состоянием Цинь Няньчжи. Он сбивчиво оправдывался, на глазах у него выступили слезы.

— Няньчжи, прости, я не знал, что тебе пришлось так тяжело. Если бы я заметил раньше, если бы узнал тебя раньше... Тебе больно, Няньчжи?

Цинь Няньчжи словно улитка, чей панцирь разбили, обнажив мягкую плоть. Он с трудом сдержал слезы:

— Нет. Я не такой хороший, как ты думаешь. Я обманывал тебя... я — монстр, ни то ни сё.

Император Сюаньхэ снова крепко обнял его:

— Она заслужила смерть! Тысячи смертей! Но она не стоит того, чтобы ты марал об неё руки.

Цинь Няньчжи глубоко вздохнул, вдыхая успокаивающий аромат сандала:

— Ваше Величество, не волнуйтесь. Я её не убивал, но желание смерти матери у меня действительно было. Просто я был слишком мал и слаб, чтобы осуществить его. Похоже, в этом

они не солгали.

Император Сюаньхэ вздохнул с облегчением:

— Она сама навлекла на себя беду. Няньчжи, не принимай это близко к сердцу. Что бы ни замыслили люди за кулисами, я не позволю им поливать тебя грязью.

Цинь Няньчжи усмехнулся:

— Репутация испорчена — ну и пусть, зато свободнее дышится. Но Ваше Величество, не вмешивайтесь. Цель организаторов очевидна: они хотят не только уничтожить меня, но и использовать это, чтобы запятнать вашу репутацию.

Глаза Императора потемнели, любовь спряталась глубоко внутри: мне плевать на репутацию, лишь бы с тобой, Няньчжи, всё было хорошо.

Вдруг за дверью послышались крики Чжао Юньчэна:

— Не держите меня! Няньчжи там? Пустите, я войду!

— Ваше Высочество, не усложняйте нам жизнь...

Император нахмурился:

— Пусть входит.

Чжоу Сы отступил, и Чжао Юньчэн, поправляя бинты, вошел в комнату. Увидев Цинь Няньчжи, он тут же надулся:

— Ты совсем не ценишь дружбу! Я ведь правда любил тебя, как родного брата. Сколько раз я был в поместье Цинь, а ты ни разу не попросил о помощи! Ни разу! Я — идиот, ничего не замечал. Неудивительно, что я не мог найти тебя в семи случаях из десяти. Та стерва! Она сумасшедшая? Зачем она так с тобой? Я сейчас же пойду и разрою её могилу!

В комнате воцарилась тишина. В сердце Императора возникло странное чувство равновесия: похоже, Чжао Юньчэн в сердце Няньчжи не так уж важен.

Цинь Няньчжи виновато ответил:

— Я с детства был замкнутым, не умел общаться. В любом случае, спасибо тебе. Когда ты приходил играть со мной, я был счастлив. А потом ты молча уехал в свой надел, я тогда был очень расстроен...

Вспомнив причину внезапного отъезда Чжао Юньчэна, Цинь Няньчжи осекся, лицо его приняло странное выражение.

Чжао Юньчэн, напротив, оживился:

— Ты был расстроен? Я тебе небезразличен? Няньчжи, не бойся, я больше тебя не оставлю. Ну не будь таким холодным, ты, я и Ли Сянхэ — договорились? Всегда будем вместе.

Видя, что Чжао Юньчэн несет всё большую чушь, Цинь Няньчжи не выдержал и закатил глаза, окончательно забыв о своей печали.

У Императора Сюаньхэ дернулась вена на лбу:

— Заткнись! — если бы не хорошее настроение Цинь Няньчжи, он бы уже приказал казнить его за нарушение императорской воли.

— О, и Его Величество тоже? Тогда вчетвером! Всегда вместе! Не бойся, я не такой ревнивый, как некоторые, у кого нет ни капли достоинства!

Наступил второй день публичного суда.

Пришло время подвести итог.

<http://bllate.org/book/18871/1842376>